

Выписка здесь сделана из первых шести глав старопечатного Московского издания повести 1681 г. (лл. 2 об.—27 об.).

Таково литературное окружение новонайденной драмы в сборнике.

Кроме вышеотмеченных трех повестей с антиклерикальной тенденцией и с рядом признаков их составления и обращения в средних и низших кругах, не случайно здесь собраны также и остальные статьи. Некоторые из них обнаруживают характерный для эпохи оживления торгового капитала в петровскую эпоху интерес к восточным странам.¹ Правда, этому интересу в данном случае должны были удовлетворять лишь старые литературные средства, унаследованные от допетровской эпохи, вроде соответствующих выписок из «Хронографа» и т. п.²

Не случайно составитель сборника ограничился выпиской лишь первых шести глав из «Исторіи или повѣсти о пустынноикѣ Варлаамѣ и царевичѣ Индійскомъ Иоасафѣ» (Москва, 1681). Выписанные здесь первые главы содержат всего больше, так сказать, «географических», «исторических» и подобных сведений об Индии, ее нравах, обычаях, но как только начинается (с 7-й главы) пространное догматическое изложение пустынноиком Варлаамом православного учения новообращенному царевичу Индийскому Иоасафу,² — составитель сборника прекращает выписку.

В близком соседстве с интересующей нас драмой, действие которой, кстати, происходит также на Востоке (Ассирия и пограничный город Иудей — «Вифулия»), в Житомирском сборнике находится «Повесть о Вавилонском царстве», где, между прочим, фигурирует тот же Навуходоносор, что и в нашей драме, но с оттенком волшебства. Упомянутый в драме с подчеркнутым, но недостаточно мотивированным почтением меч Навуходоносора, данный Олоферну для похода на иудеев, в «Повести о Вавилонском царстве» выступает как чудесный «меч-самосек», который однажды, когда на Навуходоносора напали враги, сам выскочил из ножен и начал «без милости сечь».³

«Сказание о царе турском Махмете» Ивана Пересветова, удовлетворяя интересу к одной из восточных стран, в то же время, очевидно, отвечало классовой направленности составителя сборника. Идеализированный у Пересветова турецкий султан Махмет мог импонировать купеческо-мещанским кругам петровского времени как литературный тип правителя-мудреца,

¹ О географических, — в частности к восточным странам, — интересах в петровскую эпоху см.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, СПб., 1862, гл. XI, стр. 333—362.

² В Московском старопечатном издании 1681 г. см. лл. 28 и сл.

³ Летописи русск. лит. и древн. Н. С. Тихонравова, кн. III, отд. 3, стр. 20—26.